

Сыдыков Ж.С.

О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ»

Рассматриваются некоторые парадоксы и антиномии, возникшие в процессе исследования стиля мышления в науке и определения соответствующего понятия, а также возможная схема адекватного обоснования его содержания.

Понятие «стиль научного мышления» разработано с неодинаковой полнотой и **разрабатывается** (в настоящее время) с разной степенью интенсивности. В самом деле, в подавляющем большинстве специальных разработок данное понятие используется и обосновывается, главным образом, в чисто **методологическом** плане как средство (и притом весьма абстрактное средство) определения основной цели **научно-исследовательского** поиска: какие стороны научного мышления нужно воспринимать и **характеризовать** (толковать) как стилевые? Для такой работы и именно в данном методологическом ключе ценность рассматриваемого понятия не может вызывать каких-либо сомнений. Тем не **менее**, два других **аспекта**: предметный (стиль мышления как реальный научный феномен) и логический (стиль научного мышления как специфическое понятие) остаются во многом, вернее сказать в **существенном**, совершенно неопределенными.

Сказанное становится очевидным в свете легко обнаруживаемого факта. К настоящему времени существующие в литературе **интерпритации** и классификации стилей мышления в науке (не говоря уже об обилии точек зрения, **мнений, предположений** и гипотез), столь множественны и в то же время столь же разноречивы, т.е. трудно согласуемы, если вообще согласуемы, между собой, что вопрос об эмпирических (фактологических) основаниях предположительно реального явления в науке, которое пытаются уловить посредством термина (и понятия) «стиль» (или какого-либо другого, возможно, **однопорядкового** с ним термина или понятия), не поддается **сколь-нибудь** строгой и однозначной верификации (проверке). Скорее, наоборот, сам этот вопрос превращается в проблему и в проблему достаточно **сложную**, чтобы ее можно было бы разрешить какими-нибудь уже известными, **опробованными** путями и методами...

По крайней мере, здесь можно **констатировать** два полюса одной и той же проблемы: с одной стороны, речь идет об **объективно** сложной, неоднозначной, **многоплановой** (многоаспектной) и синтетической (синкретической) природе искомого феномена; с другой же стороны - о **теоретической** нечеткости, логической **непроясненности** и эмпирической расплывчатости самого **исходного** понятия. И то и другое обстоятельство **объясняют**, между прочим, почему использование данного **понятия** в ходе теоретических размышлений над категориальными структурами науки чаще (ж больше) опирается на **интуицию** каждого исследователя (вещь, как известно, в высшей **степени** неопределенную), чем на рациональное обоснование собственного **содержания** и доказательство (а не простое декларирование или догматическое заявление типа «это **так**, но не **иначе**»).

Вместе с тем, здесь обнаруживается первая логическая трудность, связанная с определением (**рационализацией**) рассматриваемого понятия, своеобразный «логический круг» (парадокс) в определении: ведь невозможно говорить о «стиле» научного мышления, не располагая предварительно соответствующими фактами, и в то же самое

время нельзя выделить (зафиксировать), получить эти факты, не имея опять-таки предварительно-определенного понятия о нем.

Задача выработки такого понятия, т.е. задача рационализации интуитивного, по существу, представления (некоего образа, напоминающего скорее литературную метафору, чем строгое научное понятие) наталкивается в свою очередь на другую трудность, возникающую уже в самой ситуации исследования, когда разные исследователи, формулируя свои определения (точнее было бы сказать: **дефиниции**), фактически ориентируются на решение разного рода философских проблем, что ведет к неминуемым расхождениям в выделении самого **объекта** анализа и в **обрисовке** содержания анализируемого **понятия**¹.

Трактовка «стиля научного мышления» (его основных элементов, структуры, функций, форм проявления и т.п.) существенно зависит от **направленности** научного интереса, от преимущественных проблемных ориентации исследователя. Вместе с тем, вполне очевидна противоположная ситуация, когда семантические возможности самого понятия «стиль» оказывают обратное влияние на исследовательский поиск, позволяя улавливать признаки стилистической детерминации в совершенно различных областях (отраслях) компонентах, уровнях, формах и средствах научного познания.

Проблема сильно усложнялась тем, что среди исследователей явно наблюдалась тенденция усматривать в каждой более или менее значительной теории (а тем более в каждой научной **дисциплине**) свой, особый стиль мышления; таким образом, оказывалось, что эти частно научные «стили мышления» (физический, химический, биологической, технический, математический, **кибернетический, вероятностный** и т.д.) фактически не связаны друг с другом и существуют как бы изолированно, один рядом с другим, независимо друг от друга².

Ясно, что при столь разных исследовательских подходах весьма трудно рассчитывать на определенность рассматриваемого понятия: разные авторы вкладывают в него различный смысл, и существуют определения, поэтому так или иначе не удовлетворяют исследователей. И прежде всего, по вопросу о специфике понятия стиля применительно к научному мышлению не только в отношении **однопорядковых** с ним понятий (таких как «философия», «методология», «мировоззрение» и т.п.), но и в отношении к другим понятиям стиля (например, в живописи, архитектуре и т.д.), на что указывала еще в 70-х годах **Л.М.Микешина**³.

Однако, этот внутренний, концептуальный **недостаток** обернулся, в конечном счете, (в практическом применении понятия) рядом положительных **моментов**, стимулировавших новые, нестандартные подходы к решению **проблемы**⁴. Каковы же эти моменты? «Во-первых, то, что в **литературе** не всегда четко проводится грань между «синтагматическим» и «**парадигматическим**» планами СММ (стиля научного мышления как реального явления и как средства исследования - Ж.С.), обеспечивает взаимодействие между учеными -исследователями **науки. Во-вторых**, непроясненность специфики СММ в отношении к другим стилям мышления позволяет легко «**вписывать**» науку в общий социально-культурный контекст эпохи, лишает ее былого ареола «исключительности». В-третьих, **многоаспектность** СММ, отсутствие **канонизированной объяснительной** схемы процессов стилевой детерминации научного познания обеспечивает проведение комплексных исследований науки. В-четвертых, с трудом поддающаяся разграничению проблематика СММ связывает традиционные (логико-методологические, **историко-научные** и психологические) подходы в изучении **науки с новейшими, культурологическими**⁵.

Конечно, это очень важные обстоятельства в исследовании проблемы, оказавшие в свое время и **оказывающие** до сих пор существенное **влияние** на эффективность соответствующих научных разработок. Тем не менее, они не снимают главной и **наиболее** сложной задачи - раскрытия природы и особенности стиля научного мышления как понятия и реального научного феномена; тем более, что обнаружение его специфических черт и признаков, характерных свойств и отношений, способов проявления и действия в структуре научного **познания** только усилило бы, надо полагать, отмеченные достоинства.

Но многочисленные попытки рационального определения и обоснования понятия «стиль научного мышления» всякий раз приводили исследователей к одному очень странному, почти парадоксальному результату. Вот как описывает этот результат В.Н.Порус: «Чем точнее выглядело «определение», тем менее плодотворным оказывалось применение полученного понятия, оно оказывалось просто **излишним** и легко заменялось другими методологическими понятиями: «теория», «метод», «парадигма», «картина мира», «научно-исследовательская программа» и др. Наоборот, когда это понятие употреблялось в нестрогом и даже не вполне определенном смысле (как его, например, использовал инициатор **современных** размышлений (М.Борн), возникало ощущение его незаменимости в **метанаучных рефлексиях**»⁶.

О чем это говорит? По-видимому, о том, что попытки **объединения** обнаруживаемых в исследовании специфических черт и признаков рассматриваемого понятия в одной, универсально взятой, т.е. применимой в каждом конкретном случае и, следовательно, формальной дефиниции малоэффективны. Вполне возможно, что искомый феномен вообще не поддается фиксации в какой-либо устойчивой дефиниции; тогда он может быть «локализован» только в самом процессе исследования, в ходе которого подвергается «освещению» с различных точек зрения, в различных отношениях, с различных сторон, в различных ракурсах и т.д. Ясно, что в каждом таком случае каждая дефиниция («определение») будет формулироваться несколько иначе, фиксируя различные аспекты, смыслы, акценты, нюансы и т.д., и создавая в целом картину «единства многообразного» (и **многоликого**)⁷.

Именно поэтому разработку понятия «стиля научного мышления» невозможно ограничить только рамками традиционно методологического подхода, когда внимание фокусируется исключительно на категориях и формах научного (главным образом, естественно-научного) познания, причем (вплоть до **последнего** времени) **только** на таких, которые известны и привычны в системе **диалектико-материалистической** философии науки. Короче говоря, речь идет о том, чтобы предметный и логический аспекты понятия «стиль научного мышления» можно рассмотреть в соответствии с программой наиболее перспективного в настоящее время направления исследований - **культурологического**⁸. Программа **ориентирует** на поиск и обнаружение исторически индивидуализирующих черт научного познания, позволяющих локализовать наиболее крупные этапы и направления развития науки в контексте эпохальных культурных образований и, тем самым, осмыслить науку соответствующего времени как уникальный образ, в котором выражается данная культура в целом. Это, с одной стороны, дает возможность вписать науку в более **широкий** духовный и исторический фон, а с другой - соединить в одной последовательной концептуальной системе факторы внутренней логики движения научной мысли с механизмами **внешней** социокультурной детерминации науки.

Последний, культурологический смысл уже явно подразумевался в борновском «стиля научного мышления». Это видно хотя бы из того, что понятие, выведенное на основе определенных гносеологических выводов из конкретной области науки (квантовой механики) - понятие, таким образом, эпистемологическое - было выведено с точки зрения более широкой и более абстрактной эстетической категории «стиль»: двумя словами, выработалось (тогда) что-то вроде абстракции-метафоры, в которой только что названные культурологическая, философская и методологическая составляющие не были еще в достаточной степени эксплицированы. Отсюда во многом вытекающий, рационально непрясленный или, как иногда говорят, «смутный» (неясный) характер рассматриваемого понятия. Следовательно, «определение» его должно быть синтезом всех трех указанных моментов.

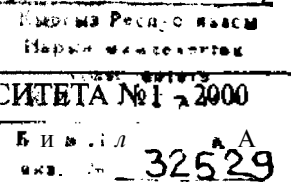
В действительности, для характеристики научного мышления привлекается понятие «стиль», которое первоначально сформировывалось и разрабатывалось в истории и философии искусства, и, следовательно, оно необходимо привносит с собой соответствующую гуманитарную проблематику. В то же время, поскольку данное понятие применяется именно к научному мышлению, оно приобретает специфически научный смысл «стиль мышления». И наконец, оно включает в себя, естественно, соответствующую научную проблематику: его конкретное содержание образуется на материале соответствующих, так называемых, «точных» наук.

Культурологическая составляющая (стиль - время) выражает связь научного мышления со всем культурным целым данной эпохи, внутри которого формируются и развиваются, следовательно, обуславливаются его существенные особенности, в котором оно функционирует как исторически уникальное явление. С этой точки зрения научное мышление рассматривается как элемент духовной (и материальной) культуры эпохи, которая в особенной форме представляет ее историческое своеобразие, ее исторически индивидуальную индивидуальность.

Гносеологическая составляющая (стиль - истина) раскрывает зависимость содержания знания, воспринимаемого в науке или действительно являющегося таковым на самом деле, а также уровня развития науки, степени объективности наличующего в ней знания, особенностей и состава ее категориальной структуры и т.п. от человека как универсального субъекта не только научного, но и культурно-исторического, духовно-культурного, социально-коммуникативного, технико-технологического, общественно-культурного и этно-культурного творчества.

Методологическая составляющая (стиль-норма) указывает на историческое содержание науки: осмысленность ее общих и частных предпосылок, применяемых средств и методов познания, доминирующие в ней традиции и идеалы, общепринятые способы построения знания и получения нового знания, механизмы преемственности. Отношение к прошлой науке, понимание перспектив ее и. т.д. Разумеется, это только некоторые стороны сложного целого (исследуемого понятия), и их различие в данном случае весьма приближенно и вообще; но без учета их трактовка феномена «стиля научного мышления», как оказывается, сталкивается с рядом существенных трудностей и противоречий, в которых, помимо всего прочего, проявляется его парадоксальная и противоречивая природа.

Прежде всего, очень трудно разграничить статусы «стиля научного мышления» и средства науковедческого исследования, как понятия и как реального научного явления, как объекта исследования. Зачастую получается таким образом (возможно, произвольно), что в одном случае объект подводится (приспособливается) под

заданную понятием схему и тем самым создается фактически фантом, а в другом случае, наоборот, имеющаяся схема (понятие) сводится к уже известным «объектам» (типа «теория» «метод», «картина мира», «методология», «парадигма», «мировоззрение» и т.д.), в которых тем самым теряется специфика искомого объекта, растворяясь в других.

Но с другой стороны, чем более строго стремление к точности понятия, тем менее определен объект (либо чрезвычайно абстрактен, либо эмпирически очень **расплывчат**)⁹; и наоборот, чем менее строго применение данного понятия, тем более возрастает чувство (интуиция) реальности объекта.

Как реальное явление «стиль научного мышления» можно было бы трактовать в качестве особой структуры со своими особыми свойствами в системе научного познания. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти свойства (а значит и констатирующие влияния самого стиля на научное мышление) обнаруживаются буквально на всех **уровнях**, во всех формах и методах, во всех средствах науки. Таким образом, получается, что, с одной стороны, стиль мышления в науке имеет вполне определенные структурные границы, а с другой, выступает как нечто вездесущее, т. е. не имеющее никаких границ. Это - трудность, связанная с единством локальности и глобальности структуры СМН.

В любом случае стиль научного мышления (именно научного) должен был бы существовать внутри науки и, следовательно, иметь статус фактора **внутринаучной** (логики - методологической, когнитивной) детерминации знания, времени, фона научного исследования, т.е. то, что находится **вне** собственно науки.

Однако, как это показывает культурологический подход, он образует в то же время и таким образом, является **фактором вненаучной** (социально-культурной, культурно-исторической) детерминации. Трудность заключается в том, чтобы объяснить, каким образом СМН может находиться одновременно внутри и вне научного познания.

Отсюда вытекает и другая, не менее сложная проблема интерпретации природы «стиля научного мышления». Он основан на осознании принципов научности (которые в свою очередь основаны на вполне определенном понимании вполне определенных логических категорий) и потому имеет форму сознательного мышления (вернее, самосознания). Но стиль научного мышления, как правильно, на наш взгляд, отмечают некоторые **исследователи**¹⁰, принципиально не может осознаваться самими субъектами мышления именно как стиль, т. е. он действует бессознательно. Таким образом, СМН **НОСИТ** двойственный характер как единство сознательного и **бессознательного**.

Сознательный элемент стиля научного мышления реализуется не в абсолютно-истинном аспекте знания, который выражает объективную истину (например: не в законах Ньютоновской механики в пределах их применимости), а наоборот - в относительно-истинном аспекте, который в процессе дальнейшего развития науки исправляется и преодолевается (Например: в Ньютоновском **механицизме**), т.е. СМН образует не объективное, а **субъективное**, в структуре знания. И в тоже время как бессознательно действующий элемент науки, как то, что подчиняет себе субъектов познания в виде требований «здравого смысла», «очевидности», «традиции» и т.д. одним словом, как предрассудок, «стиль научного мышления» выступает по **отношению к** этим субъектам как нечто не зависящее от них самих, подчиняющее их себе, господствующее над ними, т.е. как нечто не субъективное, а наоборот - объективное.